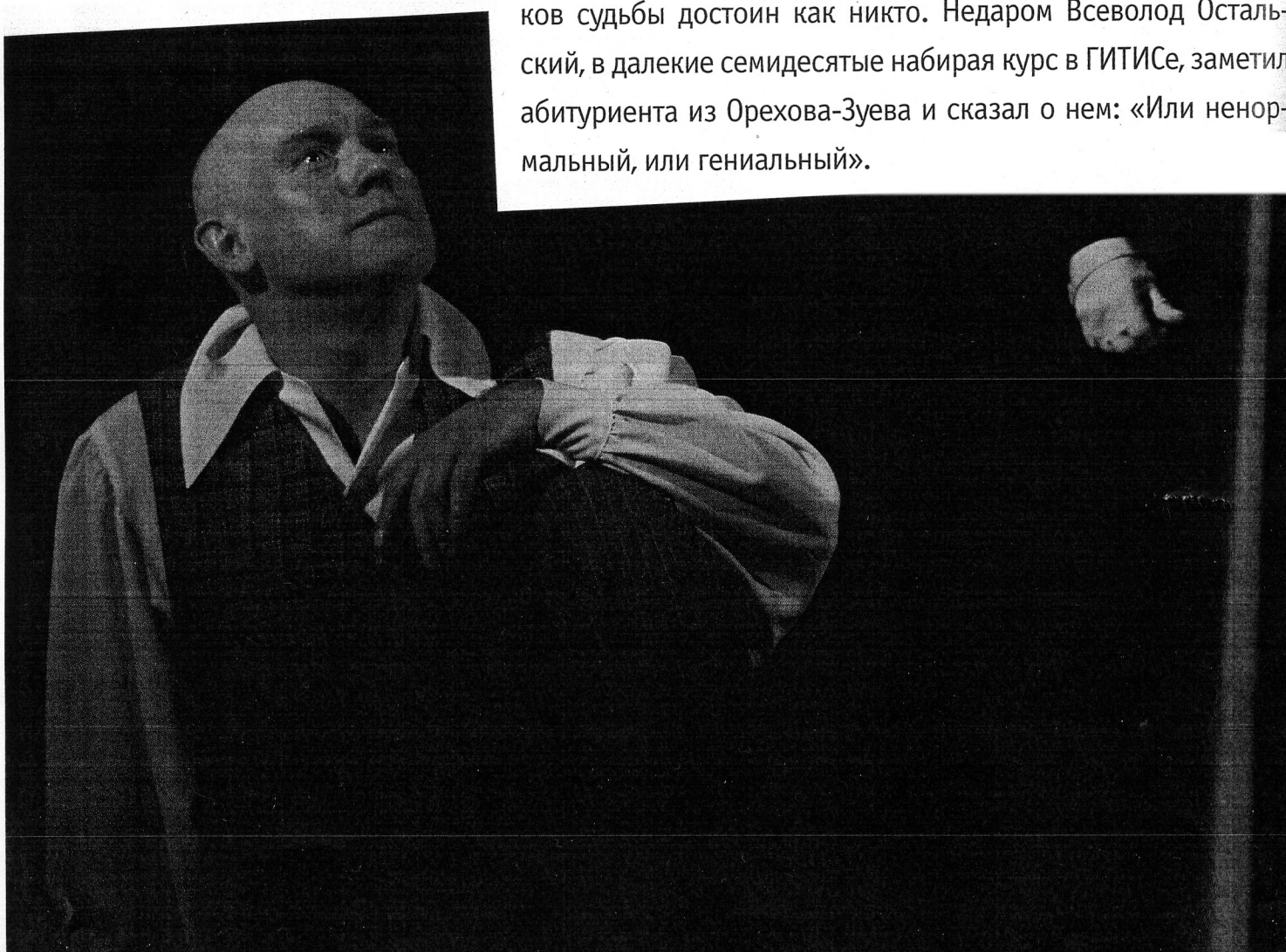

Виктор Сухоруков:

Что мне до Джеймса Бонда?

Виктор Сухоруков проработал в кино и в театре почти тридцать лет, сыграл десятки ролей, пока «вдруг не проснулся знаменитым». Всенародную известность принесли ему фильмы Алексея Балабанова «Брат» (1997) и «Брат-2» (2000).

Сегодня он работает на самых престижных театральных площадках, снимается в фильмах, о которых не умолкают разговоры, и даже отказался от предложения сыграть в очередной серии эпического боевика о похождениях легендарного Джеймса Бонда. Однако Виктор Сухоруков подарков судьбы достоин как никто. Недаром Всеволод Остальский, в далекие семидесятые набирая курс в ГИТИСе, заметил абитуриента из Орехова-Зуева и сказал о нем: «Или ненормальный, или гениальный».

LINEA / КУЛЬТУРА

- Виктор Иванович, представьте ситуацию: вот вы включаете телевизор, а там - фильм с вашим участием. Как вы воспринимаете себя самого на экране?

- Отвечу без ложной скромности: я люблю себя на экране. И принимаю Сухорукова на экране любым. Больше того. Когда я сталкиваюсь с отчаянием актеров, которые увидели себя на экране и, всплескивая руками, закатывая глаза, кричат: «Какой ужас! Какой кошмар!», я всегда говорю: «Но это ты!» Иначе нельзя относиться. Даже если плохо поставлен свет, если оператор поменял оптику, исказил тебя, это же твое уродство, твои черты и контуры - все твое богатство. И чем сильнее твое удивление и недоумение, тем лучше. Значит, ты не примитивен. Ты можешь быть разным. Так что я с удовольствием на себя смотрю.

**А сегодня заявляю:
«Я - игрок, лицедей».**
**Все чаще
употребляю даже
слово «клоун».**

-- А с позиции накопленного опыта не возникает желания по-другому сыграть роль?

- Не возникает. Потому что когда я получаю роль, то поминутно думаю о ней, над ней работаю. Я вторгаюсь в эту роль: Я не признаю понятие «вживаться» в роль, а вот «вторжение», «внедрение» в роль - мне это очень важно. Я трачу много сил, не скрою, на тот или иной персонаж. И то, что у меня сложилось, - результат моей работы. Другое дело, если режиссер не понял тебя, не принял и - самое ужасное - искромсал, исказил твой персонаж! Редкий случай, когда я не доволен собой и поверьте, по большей части - не по своей вине. Обычно то, что я делаю, мне нравится. Я умею смотреть на себя как на постороннего человека. Есть Витя Сухоруков в

жизни, есть Витя Сухоруков на экране или на сцене. Я не себя вижу, я вижу человека, который исполняет ту или иную роль.

- Это скорее режиссерский взгляд.

- Возможно. Недаром мне в последнее время твердят, что давно уже можно и нужно ставить самому. Но я не готов. Во-первых, я еще не наигрался. Во-вторых, у меня такой вот «песий» характер, преданный, я люблю подчиняться. Именно в творчестве. Будучи в жизни глубоко самостоятельным, одиноким и ответственным за себя человеком, в творчестве я люблю быть подневольным. Хотя в процессе работы я неумный, скандальный, я противоречивый, даже истеричный. Но ведь я в пути, я в поиске, и наступает миг, когда я успокаиваюсь, заглядываю, как дворняга, в глаза режиссеру и шепчу ему преданно: «Веди меня за собой, я готов». Поэтому пока мне не до режиссерства.

- Многие актеры говорят, что отождествляют себя с ролью, так как в определенный момент герой начинает руководить их поступками, мыслями. У вас так бывает?

- Рассказываю. Я не верю в то, что можно «нырнуть» в роль. Это какая-то ерунда. Это шизофрения. Когда нас обучали театральному делу, то действительно существовало такое понятие - «вживаться в роль». Я уже упоминал, что, на мой взгляд, это неправильно. И я это тоже не сразу понял. А сегодня заявляю: «Я - игрок, лицедей». Все чаще употребляю даже слово «клоун». Наверное, подразумеваю маску...

Прав Шекспир: весь мир - театр. Потому что весь окружающий нас мир есть декорация. Мощная, космическая, вселенская. Внешние черты актера есть маска. Театр - это придуманный человечеством мир.

- Еще один мир?

- Мир в мире. И, согласитесь, вживаться в придуманный мир - это клинический случай.

- Неужели не бывало, чтобы персонаж начал управлять вами?

- Было. Один раз. И это было очень страшно. В Питере, в спектакле по Салтыкову-Щедрину я играл чиновника. В пространстве моей роли персонаж имел право затачивать перья, стряхивать пыль со штор, словом, был сам себе хозяин, пока не появлялся его начальник. Ну вот. Играю раз, второй, третий... десятый. И вдруг случается накладка. Главный герой роняет предмет. А у нас идет сцена. И я - актер понимаю, что этот предмет, валяющийся на полу, сейчас станет серьезной помехой сцене. Но я - персонаж по-другому вижу этот предмет: на какую-то микросекунду я чувствую, что в вымышленном мире, в

котором я сейчас живу, случился неполадок и нужно его искоренить. Я кидаясь наводить порядок! И пока я бегу к этому предмету, я слышу, как Виктор Сухоруков кричит своему персонажу - чиновнику: «Стой, куда ты?! Не смей!» Но персонаж отвечает: «Отстань, Сухоруков! Я успею справиться с неполадком, иначе сейчас хозяин сделает мне втык!»: Ужасная ситуация раздвоения, когда персонаж отказался мне подчиниться! Однако именно этот микромoment и был миг катарсиса! И все же впредь ничего подобного я не желаю. И другим не советую.

- А как удается соблюдать нужную дистанцию между маской и кожей?

- Контроль. Только контроль. Я это твердо знаю: быть в роли можно, жить - нельзя. Потому что, дорогие мои, театр - это сговор. Собирается компания людей и решает: а давайте сыграем. Во что сыграем? В игру. А что такое игра? Это определенный порядок вещей, обусловленный правилами, о которых мы договариваемся.

- А как же экспромт, импровизация?

- Импровизация, экспромт - это производные игры. Если все на сцене начнут жить по собственному произволу, нарушив сговор, нарушив правила, то всякому взаимопониманию придет конец, и что же нам делать через два часа?

- А у вас с партнерами по сцене взаимопонимание есть? Или бывают обиды, которые вы не прощаете?

- Обиды прощаю... Единственное, что не прощаю людям, - это предательство. Но это не значит, что я натачиваю ножи, собираю заклятия и иду войной. Нет, можно наказывать молчанием, забвением. Это оружие посильнее бранного слова, крика.

- То есть вы предпочитаете гасить в себе отрицательные эмоции?

- Да. Потому что хочу пожить подольше. А ощущение такое, что половина жизни уже прожита. Все злое, тяжелое, нервное, ненавистное - разрушает. Глаза слезаются, колючими, необъятными. И улыбка не вверх ползет, а вниз. Зачем? Не надо этого. Тем более артисту. Мы нужны людям открытыми, добрыми.

- Когда предлагают новую роль, что определяет ваш выбор?

- Любопытство, конечно: сразу примеряю роль на себя, как одежду. Также неожиданные роли, с двойным дном, так называемые роли-хамелеоны, роли-оборотни.

Если роль интересная, начинаю думать о партнерах: очень важно, с кем войдешь в одну историю. И в последнюю, как ни печально,

очередь, задумываюсь о деньгах. Да мне этот вопрос никогда сразу и не задают. Всегда о нем забывают - и в театре, и в жизни. До сих пор. Не знаю, почему.

- Где ролей больше - в кино или в театре?

- В кино пока.

- Вопрос, возможно, не новый: расскажите как вы отказались от роли в фильме о Джеймсе Бонде?

- Тамахория - новозеландский режиссер, который снимал двадцатый фильм о Бонде, оказывается, меня пригласил в старых балабановских картинах. Четыре ленты с моим участием были показаны в Каннах. Мне предложили контракт, съемки были назначены на период с 10 марта до 9 мая. Я попросил сценарий. Мне ответили, что роль еще в стадии разработки и будет корректироваться в процессе знакомства со мной. На что я нагло заявил: «Пирсу Броснану делать будет нечего! При таком раскладе мой инженер Владимир станет главным героем». Воображаете их реакцию? Тамахория хохотал. Ему очень понравился мой ответ. И мы, в принципе, уже настроились на сотрудничество. Я в то время заканчивал два фильма и играл в спектакле «Игроки», рассчитывая завершить дела к 10

марта. И вдруг они изменили сроки - велели быть в Англии к 24 февраля. И я им сказал: «Мы ведь здесь не папуасы в джунглях. Слова руки не сидим. К этому сроку прибыть я не смогу».

- Жалеете, что так получилось?

- Нет. Возможно, кто-то и жалеется в моей искренности, но я действительно не очень и скрою. Во-первых, я был связан ранее принятыми обязательствами и своим словом. Во-вторых, я боролся за свою репутацию. Я понимал, что теряю. Но я также понимал: то, что здесь происходит, в конечном итоге важнее для меня.

И предствяляете, что из этого вышло? Вдруг существенно изменились отношения и доллары это не заменят. Все равно всех денег не заработаешь. А вот заработать авторитет, человеческий и актерский, от Владивостока до Кавказа - жизни человеческой не хватит. Так что мне до Джеймса Бонда?..

Разве это не мистика, что после ролей в основном криминального жанра Панина, Вдуга предложили играть графа Панина, Павла Первого - и я сыграл лучшего государя-императора Павла в фильме «Бедный, бедный Павел», - а в «Теории заговора» попросили сыграть блондина с голубыми глазами! Пошла очередь ролей, не имеющих отношения к позавчерашнему моему амплуа и уродливому Сухорукову. Мне кажется, здесь сработало то самое «...и тебе воздастся». Так сказано Олегом Меньшиком, узнав о «бондовском» пригласении: «Не ездй, Сухоруков, и тебе воздастся». Конечно, не все так просто. Я и не мыслил, что получу здесь своего «Бонда». Нет. Просто, как говорится, «не халоп». И жил по составу, как говорится, «не халоп». И жил по составу. Как бы пафосно это ни звучало.

- Сегодня вы самостоятельны во мне-

ниях. Но наверняка был период, когда вы находились под чьим-то влиянием, хотели кому-то подражать?

- Да. Петра Фоменко могу назвать, Геннадия Тростьянецкого. То, что они заложили во времена нашего сотрудничества, до сих пор воспринимаю как урок. В институте учили мастерству, и сегодня я учусь. Вы удивитесь - у молодых, сегодняшних. Спросите: а для чего? Чтобы быть современным. И даже циничным.

- В продолжение разговора о ролях. Кроме Бондианы, приходилось еще отказываться от ролей?

- Да. По самой банальной нехватке времени. У меня даже был такой период, когда я кричал в телефонную трубку: «Я занят, как Ростропович! Только без виолончели».

- А что делаете, когда возникает свободная минутка?

- Я включаю музыку, телевизор. Люблю вкусно поесть. Люблю собирать грибы, ягоды. Очень люблю лес в средней полосе России. А еще больше - в Карелии. Концентрация сосны, воды и воздуха дают мне колоссальный заряд. Одни не могут жить без моря, другие - без гор, мне - лес подавай.

- Расскажите о проекте, в котором вы заняты сейчас.

- Роль Якова Софроновича Скороходова - главная в спектакле «Человек из ресторана». Андрей Лукьянов, режиссер, дал мне этой ролью «гармонию на грудь». Я, в общем, смеюсь и проливаю слезы. Исполнительский диапазон этой роли огромный, она дает возможность продемонстрировать зрителям театрального Сухорукова. Я человек темпераментный и актер темпераментный. А темперамент не выключается.

- Есть ли новые предложения?

- И много! Это счастье! В Петербурге я жил тем, что давали, да говорили еще свысока: «Не велика птица, радуйся и этому». И в какой-то момент я сказал: «А не пошли бы вы все... под чечетку!» То есть я вышел из Питера театрального под собственный гимн из матерных слов. Но в Москву я входил осторожно, насупившись и осматриваясь. Вот так-то. В общем, въехал скромно в сидячем вагоне в Первопрестольную, и она меня полюбила. Хотя и смеется, бывает, и шустрит и закаляет, переспытывает и подкалывает. Ты нам обуза. Пойдем, все будет хорошо». И я иду.

Наталья Панченко

В Музее-квартире
Вл. И. Мейровича-Данченко

Фото Наталья Четверикова